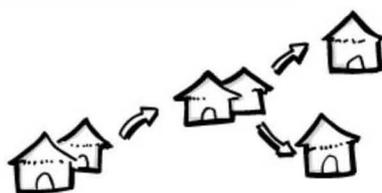
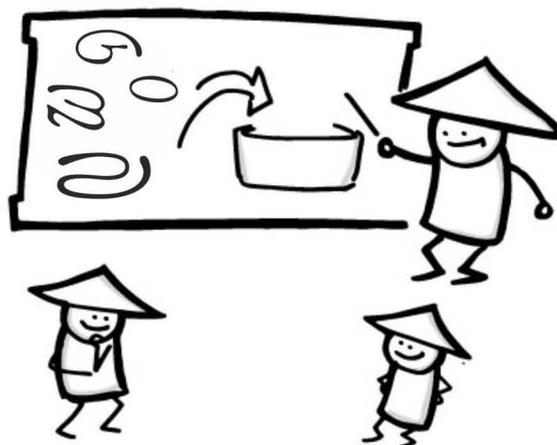
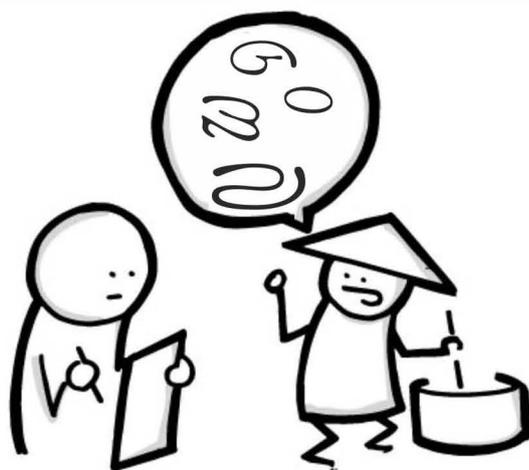

Трофимова С.М., Рассадин В.И.

Категория числа в монгольских языках

Курс лекций по учебной дисциплине
«Сравнительная грамматика монгольских языков»
для магистрантов направления 032700.68 – Филология

УДК 81'366.53
ББК 81.2-923
Т76

Т76 Трофимова С.М., Рассадин В.И. Категория числа в монгольских языках. Курс лекций по учебной дисциплине «Сравнительная грамматика монгольских языков» для магистрантов направления 032700.68 – Филология / С.М. Трофимова, В.И. Рассадин [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан. (1 файл 0,8 Мб) – Киров: МЦНИП, 2013. – 78 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-906223-15-9. – Загл. с этикетки диска.

В учебном пособии раскрываются основные вопросы темы «Категория числа в монгольских языках» учебной дисциплины «Сравнительная грамматика монгольских языков».

Последовательно излагаются основные вопросы: категория числа в монгольских языках. Эволюция взглядов на категорию числа, типы множественности в монгольских языках, семантика множественного числа в монгольских языках.

Курс лекций предназначен для магистрантов направления 032700.68 – Филология.

ISBN 978-5-906223-15-9

© Трофимова С.М., 2013.
© Рассадин В.И., 2013.
© МЦНИП, 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Категория числа в монгольских языках. Эволюция взглядов на категорию числа	4
2. Типы множественности в монгольских языках.....	33
3. Семантика множественного числа в монгольских языках	62
Литература.....	75

1. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА КАТЕГОРИЮ ЧИСЛА

Процессы воплощения мыслительных категорий в семантике языка и передачи их языковыми средствами ведут к созданию особой логики любого конкретного языка. Она реализуется языковыми средствами тех или иных уровней, образуя различные языковые категории, которые могут быть значительно шире соответствующих мыслительных категорий. Каждый язык имеет свои универсальные и специфические особенности при отражении картины мира. Сказанное относится и к осуществлению в языке одной из наиболее важных категорий - категории количества. В общем значении функционально-семантической категории в монгольских языках входят противопоставленные категории единичность-множественность, собирательность-раздельность, исчисляемость-неисчисляемость, точного определения количества - оценки количества и т. д. Содержание каждой из них передаётся комплексом языковых единиц, нередко принадлежащих разным уровням языковой системы. Они как бы образуют противопоставленные микрополя, находящиеся в постоянном взаимодействии и входящие в общее функционально-семантическое поле количественности. Важное место в этом поле занимают взаимодействующие функционально-семантические поля единичности и множественности, которые характеризуются достаточно сложными разветвленными структурами и выраженными морфологическими центрами.

Большинство учёных, занимающихся изучением числа именных частей речи, считает, что в основе этой категории лежит бинарная оппозиция: единичность-множественность (плюральность).

Проблема категории числа в монгольских языках представлена традиционным делением имени существительного на единственное и множественное число. Между тем значения этих форм во многом не совпадают с привычными представлениями. Особенность и своеобразие числа имени в монгольских языках отражены уже прежде всего в самой основе имени. Особенностью основы имени в монгольских языках является отсутствие в ней, как правило, каких бы то ни было грамматических признаков, например, калм. *альмн* “яблоко”, *усн* “вода”, *дегтр* “книга”, *мөрн* “лошадь”, *күн* “человек”, *адун* “табун”, *хөн* “овца”.

Немаркированность основы имени влечет за собой важные в лингвистическом аспекте грамматические последствия, которые сказываются на разных сторонах грамматического строя монгольских языков, а также на семантике самой калмыцкой основы. Поскольку основа имени не имеет никаких морфологических признаков, то она, выступая в своем чистом виде, никак не определена, не индивидуализирована. А это означает, что она не определена и с точки зрения числа. Иначе говоря, сама по себе эта основа индифферентна к числу, например, *ааһ* “чашка и чашки вообще”, *модн* “дерево и деревья вообще”, *чон* “волк и волки вообще”, *модн* “дерево и деревья вообще”, *чулун* “камень и камни вообще”, *захсн* “рыба и рыбы вообще”. Однако эти основы не исключают при определённых условиях возможность выражать единичные предметы и тем самым противостоять множеству предметов, составляя с ней особого рода коррелятивную пару.

Следует отметить, что характерная для калмыцкой категории числа немаркированная основа имени позволяет ей взаимодействовать с другими грамматическими категориями. Немаркированность основы имени позволяет обозначать конкретные считаемые или несчитаемые предметы, собирательные и отвлечённые понятия. Таким образом, основа имени является нейтральной к таким категориям, как категория собирательности,

дискретности, единичности, множественности. Значения этих категорий выражаются немаркированной основой имени вне контекста.

Что касается русского языка, то предметные, собирательные, вещественные и отвлечённые имена образуют различные классы слов [Грамматика русского языка 1980], а в калмыцком языке они составляют грамматически единый класс по своей сути индифферентный к числу, который одинаково характеризуется основой имени.

Категория числа рассматривалась с зарождения монголоведения по принятой для индоевропейских языков схеме “единственное число - множественное число”, начиная с выхода в свет первой грамматики монгольского языка Я. Шмидта [1832]. На основе этой схемы представлено грамматическое число основы имени в таких известных трудах XIX века по монгольским языкам, как “Краткая грамматика монгольского книжного языка” [1835] О.М.Ковалевского, “Грамматика калмыцкого языка” [1847] А. Попова, “Грамматика монгольско-калмыцкого языка” [1849] А.А. Бобровникова. Значения числа основы имени в этих трудах затрагивались крайне редко. Авторы первых грамматик описывали монгольские языки с помощью понятийного аппарата, выработанного на материале индоевропейских языков. Образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка. Такой метод описания монгольских языков вёл к переносу на эти языки понятий и категорий иносистемных языков (склонения, спряжения и т. д.). В результате в монгольских языках были обнаружены грамматические категории, присущие индоевропейским языкам, и не замечены специфические монгольские. В этом плане особо следует подчеркнуть, что не механический перенос грамматических явлений из языка в язык, нередко наблюдаемый в отдельных и изданных грамматиках того периода, а кропотливое выявление внутрисистемных связей и группировки

элементов, которые имеются в изучаемом языке, и общие свойства, которые объединяют разные языковые семьи. Выделив, например, значение числа и его функцию, мы сможем извлечь и другие, связанные с ним языковые средства, служащие для выражения каких-то семантических признаков в пределах изучаемой категории, и далее определить, как группируются выявленные языковые средства в данном языке. А это требует знания живого языка, его грамматической специфики. Но все работы, даже первой половины XIX столетия, когда монголоведение стало приобретать статус самостоятельной науки, свидетельствуют о том, что учёные начали осознавать и отмечать своеобразие и особенность строя монгольских языков в сравнении с другими индоевропейскими языками, включая древний и классический языки.

В своё время ещё Н.Я. Марр со свойственной ему уверенностью неоднократно указывал на важность и необходимость учёта специфических особенностей каждого языка, ибо в сущности, “наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учёта конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углублённое исследование каждого языка” [Марр, с.410-414].

Различие между языками состоит не столько в том, что каждый из них имеет только свои особенные черты, но может быть, главным образом в степени представленности тех или иных сходных черт в соответствующих языках. Именно уровень насыщенности языка теми или иными явлениями, их комбинации и особенности функционирования создают неповторимую специфику каждого языка. Конечно, категория числа в агглютинативных языках не “вполне” такая, как во флективных, а

способы выражения данной категории не “вполне” такие, как во флективных. И это есть проявление специфики того или иного языка, употребляя слова В. Гумбольдта [1984], “духа данного языка”.

В середине XIX века А.А. Бобровниковым [1849] дано существенное замечание по поводу того, что “иногда не множественное число происходило от единственного, а единственное число от множественного, иногда и множественное, и единственное числа произошли, кажется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова монг. *нокур* - друг, *нөкүд* - друзья и *нөкүчекү* - дружитья, можно заключить, что корень был *нөкү-*. Для слова *модун* (дерево) и *модуд* (деревья), находим корень в древнем слове *мод-* “деревья”, для слов *аран* “человек” (неупотребительное) и *арад* люди находим у бурят корень *ар* “человек” [Бобровников 1849, с. 85-87], которое следует понимать как способность основы имени выражать единичный предмет и множество предметов.

Несколько позднее В.Л. Котвич в своих “Лекциях по грамматике монгольского языка” [1902], “Исследованиях по алтайским языкам” [1962] в общем повторяет грамматическую концепцию А.А.Бобровникова, но в то же время считает, что многим алтайским языкам характерны способы выражения множественности основой имени. При этом основа имени может обозначать как единичность, так и множественность предметов в зависимости от конкретной ситуации. Вот что он пишет: “Создаётся впечатление, что алтайские языки не имели тенденции к урегулированию этого вопроса, к созданию настоящей грамматической категории множественного числа, которая соответствовала бы множественному числу индоевропейских языков” [Котвич, с. 334-336]. Видимо, Л.В. Котвич уловил именно диахронический аспект функционирования категории числа в монгольских языках, но и сумел увидеть различия между ними и в